

0691

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Мейси Джэкс

ШАНС ВСЕ ИЗМЕНИТЬ

Погори себе морту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Мейси Эйтс
Шанс все изменить
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 691

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23962930
Шанс все изменить / Эйтс Мейси, Пер. с англ. О.П. Бурмаковой:
Центрполиграф; Москва; 2017
ISBN 978-5-227-07289-4

Аннотация

Богатый плейбой Леон Каридес развлекается с кем угодно, кроме своей жены Розы, покинутой в семейном поместье. Но автомобильная катастрофа, в которую он попал, меняет Леона на сто процентов. По сути, он стал другим человеком и не просто забыл свое прошлое, но и безумно влюбился в Розу. Узнав от нее правду о своей прежней жизни, он не может понять, почему до аварии совершенно не уделял внимания своей красавице жене. Роза, однако, не уверена, стоит ли до конца открывать Леону правду об их прежних отношениях. Стоит ли надеяться, что жизнь, начатая с чистого листа, окажется счастливой?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	30
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Мейси Эйтс

Шанс все изменить

Пролог

Очередная скучная вечеринка. Об этом думал Леон, отъезжая от роскошного отеля и выбираясь на узкие итальянские улочки.

Лучший момент вечера был одновременно и наибольшим разочарованием: его отвергла невеста Рокко Амари. Экзотическая красавица с длинными темными волосами и медовой кожей, она стала бы прекрасной компанией в постели на одну ночь. К сожалению, она оказалась весьма преданной Рокко. А он – ей.

Каждому свое. Леон не видел ничего хорошего в моногамии. Жизнь – это восхитительный буфет разврата. Зачем пытаться себя искусственно ограничивать?

Хотя он ушел с вечеринки с пустыми руками, но получил глубокое удовлетворение от того, в какую ярость привел своего конкурента в бизнесе. Леон не понимал собственные замашки Рокко, но, с другой стороны, он никогда не испытывал глубоких чувств к женщине.

Он выехал на дорогу, которая вела из города к вилле, где он останавливался во время визитов в Италию.

Это было хорошее место. В деревенском стиле, но элегантно обставленное. Он предпочитал такие места пентхаусам в центре людных деловых центров.

Он владел несколькими поместьями по всему миру, хотя ни одно не было ему так дорого, как в Коннектикуте. Но мысль о том доме напомнила ему о жене. А сейчас он предпочел бы не думать о Розе. Почему-то каждый раз, когда он вспоминал ее сразу после попытки затащить в постель очередную женщину, совесть давала о себе знать.

За прошедшие два года Роза регулярно вызывала у него чувство вины. Конечно, на самом деле причин для этого не было. Они женаты, но этот брак существовал только на бумаге. Леон позволял ей делать все, что хочет, и сам делал то же самое.

Но все равно легко было представить огромные сияющие синие глаза и почувствовать...

Он неожиданно очнулся от задумчивости и увидел фары, мчащиеся навстречу.

Не было времени свернуть. Вообще не было времени отреагировать. Столкновение было неизбежно.

Глава 1

Доктор Кастеллано сказал:

– Сейчас состояние стабильное.

Роза смотрела на своего мужа, лежащего на больничной кровати с бинтами вокруг руки, плеча и груди. Губа у него распухла из-за воспаленного, болезненного пореза, а на скуле расплывался большой синяк. Он выглядел...

Точно не как Леон Каридес. Леон заполнял всю комнату своей харизмой и властными манерами. Ему никто не мог отказать; он требовал уважения каждым движением, каждым словом. Женщины останавливались на ходу и с готовностью дарили ему все свое внимание и восхищение.

Она была на грани развода с этим мужчиной. Но нельзя вручить человеку документы о разводе, когда он лежит в больнице в таком серьезном состоянии.

– Это чудо, что он выжил, – продолжил доктор.

– Да... – Пустота в голосе Розы отражала происходившее у нее в душе. – Чудо.

У нее проскользнула мысль, которую она сразу же постаралась подавить: что было бы куда лучше, если бы он умер прямо там, на обочине. Тогда ей не пришлось бы иметь дело со всем этим. С их супружескими отношениями. Или, скорее, отсутствием таковых.

Но нет. Она больше не могла оставаться замужем за Лео-

ном, но не желала ему смерти.

– Спасибо, – выдавила она, сглотнув. – Он приходил в себя?

– Нет, – трагическим тоном сказал доктор. – Он не приходил в сознание с тех пор, как его доставили в больницу. Столкновение было сильным, и повреждения головы серьезные. Активность мозга прослеживается, так что надежда есть. Но чем дольше человек остается без сознания...

– Я понимаю.

У нее ушло около двадцати часов, чтобы попасть из Коннектикута в Италию, и все это время Леон оставался без сознания. Но в мире достаточно историй про людей, которые просыпались даже спустя много лет.

– Если у вас возникнут вопросы, свяжитесь со мной. Через несколько минут зайдет медсестра.

Врач так возился с ней: видимо, это и было особое отношение в больницах, которое всегда получал Леон Кариес. Он миллиардер и один из самых успешных бизнесменов в мире. Богатым и влиятельным всегда все давалось легче. Даже последствия аварии.

Доктор вышел, и у Розы в груди всколыхнулась паника. Леон не должен был вот так бессильно лежать в постели. В ее глазах он всегда был ближе к Богу. Он был на десять лет старше. Самый доверенный и любимый протеже ее отца с тех пор, как Розе исполнилось восемь. Она едва помнила времена, когда Леон не присутствовал в ее жизни.

Расслабленный, улыбчивый и всегда такой добрый... Он обращал на нее внимание. По-настоящему.

Конечно, когда они поженились, все это изменилось.

Но сейчас она не собиралась вспоминать их свадьбу.

Она вообще не хотела ни о чем вспоминать. Роза хотела закрыть глаза и оказаться в розовом саду в семейном поместье. Почувствовать ласковый и ароматный летний бриз, который обнимал ее и защищал от всего. В больнице все было слишком чистым, стерильным и белым.

Интересно, с ним в машине был кто-нибудь еще? Розе об этом не сказали. Может, Леон выпил? Еще одно преимущество богатства: люди тебя защищают, чтобы позже получить выгоду.

Леон застонал, и она снова повернулась к постели. Он двинул рукой; катетеры внутривенного вливания и провод к сердечному монитору туго натянулись.

– Осторожно, – сказала она тихо. – Ты подключен к... – она окинула взглядом сложные машины, – ко всему этому. Не выдерни что-нибудь.

Она не знала, услышал ли ее Леон, понял ли ее слова. Но он снова застонал.

– Тебе больно?

– Все тело болит, – сказал он хриплым, измученным голосом.

Ее охватило облегчение, такое сильное, что даже голова закружилась. До сих пор Роза не понимала, в каком она ужа-

се. Насколько переживает.

– Наверное, тебе нужно больше обезболивающих. – Хотя, судя по его виду, по синякам, искажающим красивые черты, она сомневалась, что в мире есть обезболивающее, которое сняло бы его боль.

– Дай, – потребовал он жестко. Ну конечно, уже командует. Леон всегда все контролировал. Даже когда умер отец Розы и она погрузилась в скорбь, он обо всем позаботился. Он не проявил сочувствия к ней, как положено мужу – он никогда и не был ее мужем по-настоящему. Но все равно он позаботился о ней, проследил, чтобы похороны и все юридические вопросы были организованы идеально.

Именно поэтому ей казалось разумным оставаться с ним целых два года, несмотря ни на что. И именно поэтому она решила оставить его, даже если при этом все потеряет.

Но уйти сейчас... Это было бы неправильно. Он не был для нее настоящим мужем, но и не оставил ее в час нужды. Как может Роза не ответить тем же?

– Для этого нужно позвать сестру. – Она взяла телефон и отправила быстрое сообщение на оставленный ей врачом номер. «Он проснулся». От этих слов по ней снова прокатилась волна облегчения, в причины которой она не хотела вдумываться.

Леон открыл глаза и окинул взглядом комнату:

– Разве вы не сестра?

– Нет, – ответила она недоуменно. – Я Роза.

Наверное, он все еще дезориентирован. Он был в Италии, а Роза должна была быть в Коннектикуте – он просто не ожидал ее увидеть...

– Роза?

– Да, – сказала она с нарастающей тревогой. – Я прилетела в Италию, когда ты попал в аварию.

– Мы в Италии? – еще более растерянно переспросил он.

– Да. А где ты ожидал быть?

Леон свел темные брови в задумчивости:

– Не знаю.

– Ты был в Италии. По делам. – И наверняка развлекался, но это Роза упоминать не собиралась. – Ты уехал с вечеринки, автомобиль заехал на твою полосу, и вы столкнулись.

– По ощущениям похоже, – хрипло сказал он. – Столкновение лоб в лоб. Хотя кажется, что я столкнулся с машиной напрямую, без преград.

– Ты так быстро водишь, что это неудивительно.

– Мы знакомы? – нахмурился он.

Роза ответила тем же:

– Конечно. Я твоя жена.

«Я твоя жена».

Эти слова эхом отзывались у него в голове, но их смысл не укладывался. Он не помнил, чтобы у него была жена. Но он не помнил и приезд в Италию. Он не помнил... ничего. Ни свое имя. Ни кто он. Ни где он...

– Ты моя жена, – повторил он, ожидая возвращения памяти. Но ничего не изменилось. Перед ним по-прежнему стояла женщина, а вокруг была больничная палата. Но, кроме этого момента в настоящем, не было ничего в прошлом.

Однако, если он продолжит задавать вопросы, может, эта женщина заполнит пустоты в его памяти...

– Мы поженились два года назад, – сказала она. Он попытался восстановить образ свадьбы. Он знал, как обычно выглядят свадьбы, – удивительно, что он помнил это, но не свое имя. И все равно не мог представить эту женщину в свадебном платье. У нее были светлые волосы – некоторые называют этот цвет мышинным, – которые падали на плечи неуложенными прядями. Хрупкое сложение, слишком большие для ее лица глаза...

Синие.

Внезапно в его голове возник образ – слишком яркий, слишком отчетливый: ее глаза. Он думал о ее глазах прямо перед... Но больше он ничего не мог вспомнить.

– Точно, – сказал он. – Ты моя жена. – Он попробовал слова на вкус и понял, что это правда. Он все еще не помнил детали, но знал, что эти слова – правда.

– Господи. Хорошо, а то ты начал меня пугать, – сказала она дрожащим голосом.

– Я лежу в больнице весь в переломах, а ты начинаешь пугаться только сейчас?

– То, что ты не мог меня вспомнить, добавляло ужаса.

– Ты моя жена, – повторил он. – А я...

Молчание заполнило всю комнату, тяжелое и обвиняющее.

– Ты не помнишь. – Ужас, о котором Роза говорила, проступил у нее на лице. – Ты не помнишь меня... и даже себя.

Леон закрыл глаза, покачал головой, заработав вспышку боли.

– Но я должен. Потому что альтернатива... безумна. Но... – Он снова посмотрел на нее. – Я помню тебя. Твои глаза.

В ее выражении лица что-то изменилось. Смягчилось. Бледные розовые губы приоткрылись, и на щеки вернулось немного красок. В этот момент она выглядела почти хорошенькой. Наверное, первое впечатление Леона было не слишком справедливым, учитывая, что она стояла над постелью своего мужа, пострадавшего в серьезной аварии.

– Ты помнишь мои глаза? – переспросила она.

– Больше ничего, – сказал он.

– Я лучше позову доктора.

Я в порядке.

– Ты ничего не помнишь. Как ты можешь быть в порядке?

– Я же не умираю.

– Десять минут назад твой лечащий врач говорил, что ты можешь никогда не проснуться. Уж прости меня за излишнюю осторожность.

– Но я проснулся. Логично предположить, что воспоминания

нения вернутся...

Роза медленно кивнула.

— Да, — сказала она.

Тишину разорвал громкий стук в дверь.

Роза торопливо вышла из палаты мужа. Голова у нее шла кругом.

Он ее не помнит. Леон не помнит ничего.

Доктор Кастеллано ждал ее в коридоре с мрачным выражением лица.

— Как он, миссис Каридес?

— Мисс Таннер, — поправила она, скорее по привычке. Я не меняла фамилию.

Он никогда не делил с ней постель, так зачем им делить имя?

— Мисс Таннер, — повторил врач. — Расскажите, что происходит.

— Он не помнит... — Она начала дрожать, настигнутая наконец шоком и ужасом. — Он меня не помнит. И себя не помнит.

— Ничего?

— Ничего. И я не знала... что ему сказать. Может, его нельзя будить, как когда ходят во сне? Или надо было все рассказать?

— Нам придется рассказать ему, кто он такой. Но в остальном мне нужно проконсультироваться с психологом. Случаи

амнезии встречаются редко.

– Мы не в телесериале. У моего мужа не может быть амнезии.

– Он перенес очень серьезную травму головы, так что это вполне вероятно. Понимаю, у вас тоже потрясение. Но он стабилен и пришел в себя. Вполне вероятно, его память вернется. И, думаю, скоро. Конечно, у меня было мало таких случаев... Но часто при травме головы человек теряет часть воспоминаний. Обычно только часть. Полная потеря случается редко, но возможна.

– Эти, другие люди... которые теряли только часть воспоминаний. Как часто к ним все возвращалось?

– Не всегда, – был вынужден неохотно признать доктор.

– Он может никогда ничего не вспомнить, – словно во сне, сказала Роза. Ее жизнь, ее будущее ускользало от нее прямо на глазах.

Я не стал бы на этом заикливаться, – мягко сказал доктор Кастеллано. – Мы будем наблюдать его здесь, но уверен, что восстановление будет успешнее дома, под присмотром врачей там.

Она кивнула. Единственное, что было общего у нее и Леона, – это дом, поместье Таннер-Хаус в Коннектикуте, оставшееся Розе от семьи. Хотя дела большую часть времени удерживали Леона вдали от него, спасая нервы Розы, они оба любили этот огромный дом, почти дворец, окруженный зелеными лужайками, с маленьким розовым садом, который мать

Розы посадила в честь своей единственной дочери. Правда, они держались каждый своего крыла дома. Но, по крайней мере, Леон никогда не привозил туда своих женщин.

Дом также играл принципиальную роль в их браке по воле ее отца, который составлял брачный контракт, уже понимая, что его состояние ухудшается. Если бы Леон развелся с ней до истечения пяти лет брака, он терял компанию и дом. Если бы это сделала Роза, она теряла дом и все, что не принадлежало лично ей.

А значит, теряла свое убежище и всю свою работу по составлению истории Таннеров, тянувшейся далеко в прошлое... То есть всю свою жизнь.

Роза была готова это сделать, лишь бы перестать ждать, когда Леон наконец решит стать ее мужем не только на бумаге.

– Да, – сказала она решительно. – Он бы хотел вернуться в Коннектикут как можно скорее.

– Мы так и сделаем, как только это будет безопасно. Если они вместе вернутся в Коннектикут, она не разведется с Леоном. Не избавится от мужчины, которым была одержима почти всю жизнь.

Она нужна ему.

Почему это так важно?

Роза вспомнила, как часто бывало, как сидела в розовом саду при поместье. На ней было дурацкое платье в кружевах, по лицу текли слезы. Парень, который пригласил ее на вы-

пускной, не приехал. Похоже, приглашение было жестокой шуткой.

Она подняла взгляд и увидела Леона. На нем был костюм, он наверняка куда-то собирался после встречи с ее отцом. Роза сглотнула, глядя в его красивое лицо и понимая с ужасом, что он увидел ее такой.

– Что случилось?

– Ничего. Ну... мой спутник на выпускной так и не появился.

Леон протянул руку и поднял ее с земли.

Роза не могла вспомнить, прикасался ли Леон к ней раньше. Его ладонь была теплой, прикосновение посылало электрические искры по ее телу.

– Скажи, кто тебя обидел, и я устрою так, что его мама родная не узнает.

Роза покачала головой:

– Нет. Я не хочу, чтобы ты или отец за меня заступались. Так будет только хуже.

– Тогда... – Он крепче сжал ее руку, и у Розы сердце забилось еще быстрее. – Тогда позволь мне пригласить тебя на танец.

Она могла только кивнуть в ответ. Леон притянул ее ближе, увлекаая в простой танцевальный шаг. Танцы никогда ей не давались. Как и многое другое. Но Леона это не смущало. И в его руках Роза не чувствовала себя неуклюжей – наоборот, казалось, что она может летать.

– Дело не в тебе, Роза.

– Что? – переспросила она сдавленно.

– Дело в возрасте. Такие, как ты, – слишком мягкие, слишком уникальные, чтобы вписаться в жизнь других школьников, – в будущем станут звездами. Ты добьешься куда большего, чем они. То, что происходит сейчас, временно. Твоя жизнь станет куда светлее, куда прекраснее, чем они могут представить.

Его слова значили так много. Она хранила их в сердце. Они придавали ей сил, когда Роза шла к алтарю, надеясь, что именно это станет светлой и прекрасной жизнью, которую Леон обещал ей двумя годами раньше.

Но их брак стал полной противоположностью. Она не взлетела – наоборот, жила с подрезанными крыльями. Ей трудно было увидеть в муже того человека, который танцевал с ней однажды вечером.

Но это воспоминание оставалось таким ярким, таким прекрасным, что даже после всего, что случилось потом, Роза не могла отказать Леону в помощи.

Вот когда ему станет лучше, тогда она начнет собственную жизнь.

– Скажите, что мне делать, – вздохнула она.

Глава 2

Даже когда его вывезли в инвалидном кресле из больницы и пересадили в специальную машину, он не мог вспомнить своего имени. Он понимал, что происходящее терзает его гордость. Ему не нравилось полагаться на помощь посторонних. Однако сейчас он полностью от них зависел.

Странно, как можно не помнить фактов, но понимать такие эмоции. Всей душой.

Он знал свое имя. Знал потому, что его так называли врачи, его жена, все, кто говорили о нем, словно его тут не было. Но знать не значило вспомнить. Он не мог вспомнить, кто он такой; и хотя это не значило, что он глуп, но все считали, что он не может сам принимать решения.

Поездка в аэропорт была долгой и болезненной; каждая яма на дороге отзывалась в его ранах. Ему повезло, переломано было меньше, чем могло бы. У него была сломана пара ребер, но в остальном он отделался сильными растяжениями. Но ходить самостоятельно он все еще не мог. Так ему сказали. Он знал весь список повреждений наизусть – приложил все усилия, чтобы его выучить, чтобы хоть чем-то заполнить свой разум. Чем-то, что он узнал сам.

Это знание было невеселым, стоило признать.

Однако других фактов у него не было.

По словам врача, ему достаточно было объяснить необхо-

димый минимум. А остальное должно было вернуться само.

Ему было ненавистно понимание, что он нуждается в других – не только в их заботе о своих физических нуждах, но и в их знаниях. Любой, кто заходил в его палату, знал о нем больше, чем он сам.

Он посмотрел на профиль женщины, которая была его женой. Она смотрела в окно, на пролетающий пейзаж, со стоическим выражением лица.

– Я хорошо тебя знаю, – сказал он, словно, если произнести это вслух, это станет правдой.

Должно быть правдой. Он должен знать, как она выглядит без одежды. Он уже прикасался к ней, целовал ее. Много, много раз... надо полагать. Ведь они молоды – относительно – и, надо думать, любят друг друга. Я не вполне в этом уверена, – сказала она.

– Почему нет?

Она удивленно моргнула:

– Конечно... конечно, знаешь.

Он понял, что она поправляется, потому что сделала что-то не так, как считает нужным.

– Теперь ты меня обманываешь, – сказал он.

– Нет, что ты. Я просто выполняю рекомендации врача. Я не уверена, что можно говорить, а что нельзя.

– Не думаю, что это повредит.

Я не хочу вкладывать мысли тебе в голову.

– Сейчас там ничего нет. Я чистая доска. Наверное, ты

легко могла бы обвести меня вокруг пальца...

Ее щеки залились краской. От гнева, надо думать.

Я не собираюсь причинять тебе вред. – Она отвернулась, снова глядя в окно.

– Ты так говоришь, но я в твоей власти. И похоже, я весьма богат.

– Откуда ты знаешь?

– У меня была очень хорошая палата на одного, и врачи уделяли мне массу внимания.

– Может, ты просто особый случай. – Ее голос звучал как хрупкий хрусталь.

– О, в этом я не сомневаюсь. Кое-что я знаю – понимаю инстинктивно. Но, например, то, что мое имя – то, которое ты назвала, – в это мне приходится просто верить. Однако я знаю, что я не простой человек.

– Поразительно, – сказала она насмешливо. – Ничто не может победить твое эго, Леон.

– Значит, я еще и эгоист? Наверное, со мной очень приятно жить.

Роза медленно моргнула:

– Ты много путешествуешь по работе. Я обычно остаюсь в Коннектикуте. Так мы, наверное, лучше ладим.

Он усмехнулся:

– Ничего необычного. Мне кажется, не так много людей приспособлены к совместной жизни.

– В этом ты тоже инстинктивно уверен?

– Да, – честно ответил он.

– Тебе, наверное, пришлось тяжело, – сказал он после паузы, посмотрев на жену, пытаясь прогнать восковую бледность с ее лица. Ему это не нравилось. Странно, учитывая, что он не помнил, какая она в обычные дни.

– Кому понравится новость, что память к ее мужу может не вернуться?

– Могу представить. Никому не понравится, что память может к нему никогда не вернуться.

Роза глубоко вздохнула:

– Извини. Мои трудности не важны. Болен ты...

– Неправда, твои трудности важны не меньше. Мы ведь семья. – Он наклонился ближе, вдыхая ее легкий цветочный аромат. Но запах ничего не пробуждал в нем. В его памяти, по крайней мере, – как мужчина он отреагировал. Она была привлекательной, хотя и не традиционно красивой. – А раз мы семья, – продолжил он, – то все, что касается меня, ранит и тебя.

Она зарделась:

– Наверное...

Остаток пути в аэропорт они молчали. Самолет был частным, и в роскошном салоне он откинулся на спинку кресла, озираясь.

– Все это мое?

– Надеюсь, – кивнула Роза. – Было бы неловко угнать чужой самолет.

– Раз это все мое, я хочу скотч.

– Ну уж нет, – нахмурилась она. – В тебе столько обезбо-
ливающего, что вырубил бы крупное млекопитающее.

– Я сам крупное млекопитающее. Но пока в сознании.

– Ладно, среднее. Но добавлять алкоголь все равно не сто-
ит. – Роза села напротив него. – Мы не хотим сообщать прес-
се, что у тебя проблемы с памятью. Я позвонила в пару газет
и сообщила, что ты пережил аварию и на пути к выздоров-
лению.

– Как практично. Ты работаешь в моей компании? Роза
покачала головой:

– Нет. Но я много лет помогала отцу с мелочами. Особен-
но после смерти матери. Так что я знаю, что делать.

– Мы с твоим отцом работаем в одной области?

Она как будто закрылась от него:

– Наверное, не стоит говорить о бизнесе. Доктор сказал,
что не нужно.

– А со мной вы поговорить не подумали?

– Это для твоего же здоровья, – сказала она натянуто.

– Я взрослый человек, не ребенок.

– Но знаешь ты меньше, чем ребенок, Леон.

– Я знаю достаточно, – возразил он.

– Ты все равно не в состоянии работать. А значит, незачем
беспокоить тебя деловыми вопросами.

– Я уже говорил – я в твоей власти.

У него гудела голова, а за скотч он был готов убить. Стран-

но, но казалось, что он редко проводил столько времени без выпивки. Ощущения были неприятными. Хотя дело могло быть и в том, что его память оставалась совершенно пустой.

– Тебе надо поспать, – сказала Роза. – Когда проснешься, мы будем уже в Коннектикуте. И, может, все станет понятнее.

Когда автомобиль подъехал к дому Таннеров, Леон ожидал, что что-то произойдет. Место покажется знакомым, привычные чувства вернутся. Роза говорила, что это поместье для него важно; вела себя так, словно дом станет ключом к его выздоровлению. Приближаясь к большому дому-дворцу, Леон поймал себя на ожидании чуда.

Чуда не произошло.

Особняк был красив. Построенный из кирпича, оббитый плющом, словно земля пыталась заявить свои права на это место. Поблизости было только большое здание в стороне – надо полагать, для прислуги, по крайней мере, в прошлом. Вокруг раскинулись зеленые луга, а вдаль тянулся густой, темный лес. Казалось, что поместье находится в ином пространстве и времени.

Очень красиво. Но без волшебства.

– Вот, приехали, – сказала Роза тихонько, словно чувствуя его разочарование.

Как вышло, что она так хорошо его знает, хотя он не знает себя?

– Да, – сказал он так же тихо.

– Ты не вспомнил. – У нее опустились руки.

– Нет, – отозвался он, снова рассматривая дом. Ожидая, когда придет ощущение, что он дома. Или что-то еще – что угодно, кроме пустоты.

– Ты приезжал сюда, сколько я себя помню, – сказала Роза. – С тех пор, как начал работать с моим отцом. Стал его протеже.

– Так мы и познакомились?

Она молча, чуть напряженно кивнула:

– Ты всегда сидел с ним в кабинете, но я не знаю, о чем вы разговаривали. Меня вы не приглашали. Я была еще ребенком.

Сколько же ей тогда лет? Она выглядела молодо – но ему не с чем было сравнивать, он даже свой возраст не знал.

– Сколько тебе лет?

– Не важно. И невежливо спрашивать женщину о возрасте. Ты и это забыл?

– Нет, инстинкт выживания сохранил у меня это знание. Но знать важно – если я проводил деловые встречи, а ты была ребенком, значит, между нами разница в возрасте.

– Некоторая, – отстраненно бросила она. – Давай лучше пойдем внутрь, я покажу тебе твою комнату.

Он не заметил странности в ее словах, пока они не оказались в просторном холле дома, где было столько мрамора и картин, что хватило бы на музей.

– В мою комнату? – переспросил он. – У нас не общая спальня?

Роза откашлялась слегка напряженно.

– Для твоего здоровья это было бы совершенно непрактично. – Она аккуратно обошла вопрос. Он заметил, что она часто это делает.

– Не похоже, что ты переселила меня в отдельную комнату только теперь.

– Это догадки.

– Да. Так расскажи мне правду, Роза. У меня болит голова и портится настроение.

Она раздраженно вздохнула:

– Это очень традиционный дом с неприличным количеством комнат. Традиции прошлого в нем сохранились. И нам обоим нравится сохранять свое пространство своим.

– Ты хочешь сказать, что мы живем как аристократы в прошлом, в отдельных спальнях?

– Да. Ты все равно постоянно уезжаешь. По делам. А я живу одна. Так что у меня своя комната, и тебя это устраивает.

Ответ казался ему неправильным. И такой образ жизни тоже. Странно, ведь эти решения принимал он сам в прошлом – человек, который все помнил и знал о своей жизни. Кто он такой, чтобы спорить с той, опытной и знающей, версией себя?

Но почему тогда тот человек держал дистанцию от жены, которая пришла к нему на помощь при первой необходимости?

сти? Чье синие глаза остались его единственным воспоминанием?

– Сможешь подняться по лестнице? – спросила Роза обеспокоенно.

– Конечности у меня не сломаны.

– Зато сломаны ребра.

Он поморщился:

– Всего парочка.

– Скажи, если устанешь. – Роза повела его наверх по широкой изогнутой лестнице. Ступени были покрыты богатым темно-красным ковром, перила из резного дуба, отполированного до блеска. Все в этом месте было пропитано историей, традициями и богатством. И у него было странное ощущение, что ему здесь места нет.

Он посмотрел на Розу. Она вела тонкими пальцами по перилам, прямо держала длинную шею, чуть задирая носик. Конечно, она выглядела простенько, но несомненно аристократично. Тонкая кость и утонченность манер.

Откуда-то он знал, что ее кожа на ощупь как шелк, гладкая и слишком роскошная для прикосновений смертных.

Но ему довелось это делать. Довелось жить в этом доме.

Однако все это казалось нереальным. Все как будто существовало отдельно от него. Словно он оказался в странном сне.

Сне, который не мог вспомнить.

Острая боль пронизала бок, заставив его остановиться, и

продолжилась вверх по шее, в челюсть. Роза словно почувствовала это и обернулась.

– Ты в порядке? – спросила она.

– В полном.

– А на вид нет.

– Боль очень упрямая штука, – бросил он, стоя на месте как вкопанный и ожидая, когда остатки боли угаснут. И не хочет оставаться на месте ранения.

– Мне никогда так сильно не доставалось, так что я не знаю...

– А я... не знаю, случилось со мной такое или нет. В любом случае не помню. Можно считать, что это первый раз.

Собственные слова заставили его подумать, что еще будет для него первым разом; судя по внезапно проступившим на лице его жены краскам, она подумала о том же.

Конечно, пока его ребра в таком состоянии, это останется просто мыслями.

Странная мысль – идти в постель с кем-то, кого он совсем не знает. Однако он знает эту женщину.

Но теперь все может быть иначе. Может, он не сумеет стать любовником, которого она заслуживает, которого хочет...

– Можешь идти? Или мне придумать, как организовать для тебя комнату на первом этаже?

– Дойду, – сказал он, благодарный за то, что она прервала его размышления.

Они наконец добрались до верхней площадки, а потом по длинному коридору – в спальню. Хотя это слово не описывало роскошь покоев, состоявших из нескольких комнат: кабинет, огромная ванная, приемная и комната, в которой стояла кровать.

– У тебя покои такие же?

Роза кивнула.

– Мы правда как король и королева.

Ему это казалось абсурдным. И неправильным. Роза его... завораживала. Притягивала. Как он мог хотеть спать отдельно от нее?

Но, может, когда его голова была занята делами, все было иначе.

Она задумчиво склонила голову:

– Удивительно, что ты знаешь, а что нет.

– Меня это тоже удивляет. Честно говоря, я готов обменять поверхностные сведения об обычаях и традициях аристократии на знания о себе. Но меня никто не спросил.

– Понимаю... Оставлю тебя отдыхать.

Он действительно устал. Какая глупость – он весь перелет проспал. Это, кажется, тоже необычно – то, как быстро он устает. И какая трезвая у него голова...

Ощущения, что для него обычно, а что нет, были отчетливыми, но он все равно не вполне им доверял.

– Да, наверное, – сказал он.

– Я позвоню врачу, уточню, когда он приедет тебя осмот-

реть. И медсестра...

Я не инвалид.

– У тебя повреждения головы. И хотя ты вряд ли скончаешься посреди ночи, это все равно нестандартное состояние.

С этим не поспоришь. И он не стал.

– Я разбужу тебя перед ужином, – сообщила Роза и быстрым шагом удалилась. Только тогда он понял, что она ни разу не попыталась к нему прикоснуться. Никаких жестов утешения. Никаких попыток поцеловать его на прощание.

Но сначала ему придется развеять тайны своего ума, а потом уже – тайны своего брака.

Глава 3

Розе казалось, что она теряет рассудок. В ее жизни не было времени тяжелее, чем прошедшие два дня. А жизнь у нее была не из легких. Смерть матери, потеря отца, постоянно дразнившие ее одноклассники... А последние два года она была замужем за мужчиной, который последний раз прикоснулся к ней у алтаря.

И все равно ей не нравилось видеть Леона таким. Потерянным. Больным. Хотя она редко видела от него эмоциональную поддержку, но оказывается, само присутствие в ее жизни этого властного, сильного, невероятного мужчины служило ей опорой.

Два дня назад он чуть не умер; и теперь мужчина, которым он был, может никогда не вернуться. Это приводило ее в ужас.

«Возьми себя в руки», – мысленно скомандовала Роза, глотая приступ паники. Нужно чем-то заняться. Пойти в сад ухаживать за розами. Продолжить составлять каталог огромной библиотеки отца. Но вместо этого она села на зеленую кушетку перед камином и поддалась власти отчаяния.

Как ей хотелось, чтобы это все закончилось. Чтобы ей больше не нужно было сидеть на месте и ждать, когда в ее жизни что-то изменится к лучшему. Она даже готова была оставить Леону любимое поместье, если это нужно, чтобы

уйти...

Но теперь она не могла оставить Леона. Совесть ей не позволила бы.

А что, если он ничего не вспомнит?

На мгновение она чуть не поддалась искушению солгать. Сказать Леону, что они любили друг друга. Что он женился на Розе, потому что не мог от нее оторваться, а не ради того, чтобы унаследовать корпорацию ее отца и поместье, которое стало ему домом. Искушение было велико; она столько лет фантазировала о том, что было бы, если бы Леон ее хотел... Но в конце концов она не поддалась.

Мало того что это было бы отвратительно; но к тому же она не хотела делать Леона своим пленником.

«А вот он не постеснялся сделать тебя своей».

С этим Роза не могла поспорить. Она согласилась выйти за него замуж, после чего Леон оставил ее в поместье, в одиночестве бродить по пустым коридорам, а сам продолжал жить как холостяк. Весь мир знал, что они женаты. И одновременно – что Леон бабник. Но никто не знал, что она оказалась в ловушке, вынужденная оставаться замужем за ним пять лет, пока право собственности на компанию отца не перейдет к нему полностью, а она не сможет получить дом после развода. Такой контракт составил ее отец.

Но Роза не собиралась больше ждать. Леон может оставить себе компанию и дом. Ей нужна только свобода.

– Ужин скоро?

Она обернулась на звук хриплого сонного голоса, и ее сердце едва не растаяло вместе со всеми благими намерениями. На Леоне были только черные пижамные брюки, низко сидящие на бедрах. Хотя обнаженную грудь пересекали бинты и пятнали синяки, Роза не могла оторвать взгляд от рельефных мышц, от подтянутого пресса.

– Наверное... – сказала она так растерянно, словно это у нее травма головы.

– Ужасно хочу есть, – сказал Леон, прислоняясь к дверной раме со скрещенными на груди руками. Он держал серую футболку, но явно не планировал ее надевать. – Проголодался впервые после аварии. Выпить ты мне не позволишь?

– Ты все еще на обезболивающих.

– Я уже почти готов отказаться от них ради виски. – Он нахмурился. – Я много пью?

Она попыталась вспомнить привычки Леона, которые знала не слишком хорошо. Оказалось, что она редко видела его без стакана в руке.

– Многовато, – осторожно сказала она.

– Я хочу выпить с тех пор, как проснулся. Может, потому, что ситуация напряженная... а может, потому, что у меня зависимость.

– Ты много ходишь на вечеринки, – сказала Роза. – Может, наденешь футболку?

Ее голос звучал куда более жалобно, чем она бы хотела, но, если Леону это показалось необычным, он этого не вы-

давал.

Не следовало вываливать на него сразу много информации. Следовало ждать, пока Леон не начнет задавать вопросы сам. Но это было сложно. Розе хотелось вывалить на него всю информацию, а потом оставить его в руках врача или медсестры.

Но Леон поддержал ее в ночь после выпускного. Поддержал ее, когда умер ее отец. И отец хотел бы, чтобы она ему помогала. Он любил Леона; Леон всегда был для него как сын. Часто ей казалось, что приходится соревноваться за внимание отца с Леоном, хотя она понимала, что ее отец тоже любит.

Но сейчас он бы не хотел, чтобы она бросила Леона без помощи.

Поэтому она останется.

И ей придется прикладывать все усилия, чтобы не тревожить его.

– Не могу, – сказал он, не двигаясь с места, комкая футболку в руках.

– То есть как не можешь?

– У меня не получается надеть футболку. Слишком болят ребра. – Леон протянул ей руку, в которой все еще держал футболку. – Ты мне не поможешь?

Воздух вырвался у нее из груди, биение сердца отдавалось в ушах.

Я...

Она жена Леона. В его просьбе нет ничего странного. Даже если бы они не были женаты, в этом не было ничего такого. Он ранен и нуждается в помощи. Нечего вести себя, как будто что-то произошло.

Откашлявшись, Роза пересекла комнату и, поколебавшись минуту, забрала у него футболку. Их пальцы соприкоснулись, и у нее по спине пробежала дрожь.

«Возьми себя в руки, Роза».

Она повернула футболку нужной стороной, собрала ткань в пальцах.

– Тебе надо наклонить голову или согнуться, насколько можешь...

Леон слегка склонился, и Роза набросила футболку ему на голову, натянула на плечи, задевая костяшками пальцев ключицы. Его кожа буквально обжигала.

– Значит, я много хожу на вечеринки... – задумчиво сказал Леон.

– Да, – кивнула Роза, в горле у нее пересохло.

– А ты? – спросил он.

Роза взглянула прямо ему в глаза. Он был так близко. Так легко было бы подняться на цыпочки и преодолеть пространство между ними. Она целовала Леона всего один раз. На свадьбе, у алтаря, перед полным людей залом.

Что будет, если она поцелует его снова?

Она моргнула, пытаясь прогнать туман в голове.

– Подними руку как можно выше, – сказала она. Леон

подчинился. Когда она расправляла на нем рукав, пальцы скользнули по его бицепсу.

– Ты со мной ходишь? – настойчиво переспросил он.

Роза не знала, как на это отвечать. Не следовало вываливать на него информацию... но больше она ничего не знала.

– Я предпочитаю сидеть дома.

Она опустила футболку, одернула ее, невольно задевая жесткие волосы и твердые мышцы. Внизу живота как будто образовалась пустота. Она вспомнила все фантазии, которые едва себе позволяла. От возможности их воплощения в реальности она только что отказалась, принимая то, что ее брак должен закончиться.

И вот – эта уникальная, невероятная пытка, которая одновременно приводит ее ближе к фантазиям, чем когда-либо в прошлом, в то же время оставляя их недостижимыми.

Роза отступила на шаг, пытаясь перевести дыхание.

Леон нахмурился, выпрямляясь:

– Я хожу на вечеринки без тебя?

В футболке он выглядел не менее сексуально. Ткань облегала и подчеркивала мускулистую фигуру. Роза моргнула и отвернулась:

– Иногда. – Она покосилась на часы и увидела, что время к шести, а значит, скоро будет готов ужин. Это казалось спасением. Тогда между ними будет стоять большой стол, и она снова сможет дышать полной грудью.

– Нам пора идти ужинать, – сказала она. – Пойдем, я по-

кажу тебе столовую.

– В поместье полный состав персонала?

– Да, я оставила всех, кто работал при моем отце. Не видела смысла что-то менять. – Роза прочистила горло. – Думаю, я на самом деле просто очень хотела, чтобы все оставалось как раньше.

– Мы оба любим этот дом, – сказал Леон. – Это у нас общее... По крайней мере, ты мне так сказала.

– Это правда. В детстве я была здесь очень счастлива. Только здесь сохранились воспоминания о моей матери. Помню, как я пряталась за перилами наверху парадной лестницы и смотрела оттуда вниз, на большие приемы, которые они устраивали по праздникам. Моя мама всегда была самой красивой в комнате. Они с отцом выглядели такими счастливыми. Я хотела... больше всего на свете я хотела, чтобы, когда вырасту, в моей жизни было такое же счастье.

У нее перехватило горло, и она сморгнула неожиданно выступившие на глазах слезы.

– Разве наша жизнь не такая? – спросил Леон. Его голос звучал так, словно... словно он надеется на это. Как странно. Обычно Леон говорил как прожженный циник. Он был не из тех, кто надеется несмотря ни на что. Он смотрел на мир реалистично. Именно поэтому Роза так ценила редкие моменты открытости и мягкости, которые между ними случались. Потому что, если он проявлял заботу, это было искренне.

Но когда дело касалось фантазий, романтических пред-

ставлений о жизни, о браке – тут Роза не ожидала от него интереса. И тем более не ожидала, что он станет представлять нечто подобное в своей жизни.

Ей очень хотелось ему солгать. Или хотя бы творчески подойти к правде.

– Дом принадлежит нам, и мы можем делать в нем все, что угодно. После смерти моего отца ты был очень занят. Занимал новое положение во главе корпорации, расширял ее... До сих пор у нас не было времени устраивать приемы, даже на праздники.

– Но мы собирались это сделать?

– Да, – сказала Роза. Вообще-то это не было правдой в строгом ее понимании. Вряд ли Леон намеревался когда-нибудь устраивать приемы. А Роза планировала развестись с ним до следующего Рождества.

Хотя когда-то она хотела... надеялась...

Но некоторое время назад она сдалась. Даже перестала представлять свое будущее в этом доме, не говоря уж об их с Леоном общем будущем. Но не было смысла ему об этом рассказывать.

В столовой уже был эффектно сервирован стол. Роза предупредила персонал, что не нужно слишком роскошествовать. Врач советовал придерживаться максимально расслабленного образа жизни, пока Леон не восстановится. Легко было думать только о его амнезии, которая, конечно, больше всего давала о себе знать; при этом они рисковали забыть,

что у него немало и физических повреждений.

– Они приготовили все, что ты любишь, – сказала Роза, открывая тарелку со стейком и ризотто. С ее стороны стояло красное вино, со стороны Леона – вода.

– Это жестоко – так меня дразнить, – сказал Леон, покосившись на ее бокал.

– Я могу не пить.

– А это будет пустым переводом продукта, – жестко сказал Леон. Я не могу пить вино, но ты можешь. Вот и пей.

– Какая щедрость.

– У меня щедрое настроение.

Роза не сдержала смех. Покачав головой, она поднесла бокал к губам, сделала глоток, внезапно благодарная за дополнительное подкрепление.

– Что? – в шутку возмутился Леон. – Хочешь со мной поспорить?

– Конечно нет, – ответила она, глядя на свой ужин. – Ты поддерживаешь много благотворительных организаций.

– Ну вот. – Леон взялся за нож и вилку. – Неопровержимое доказательство, что я действительно щедрый человек.

– Может быть, существуют разные виды щедрости, – заметила Роза, медленно разрезая свой стейк.

Темные брови Леона высоко выгнулись.

– Правда?

Роза пожала одним плечом:

– Возможно.

– Не заставляй меня угадывать. Это чрезмерно напрягает мой мозг.

Я не должна вываливать на тебя информацию, а тем более свои мнения. Мнения – это не факты. А тебе нужны факты.

– По твоему мнению, я не отличаюсь щедростью. По крайней мере, не во всем.

Роза протяжно выдохнула, раздражаясь на себя. И на него, и на весь мир. Ей хотелось бросить салфетку на стол и сбегать на лужайки поместья. А там она, возможно, разорвала бы одежды для драматического эффекта и стала кричать в бесчувственное небо.

Конечно, ничего подобного она не сделала. Это не ее стиль.

Вместо этого она посмотрела Леону в глаза и сказала ровным, сдержанным тоном:

– Ну конечно.

– Ты это говоришь, только чтобы мне угодить.

Роза раздраженно вздохнула:

– Ты что, пытаешься начать ссору?

– Глупости какие, мы никогда не ссоримся.

– Откуда тебе это знать? – спросила она. В груди у нее возникла странная тяжесть. Конечно, Леон не ошибся. Они никогда не ссорились. Сначала Роза всю жизнь поклонялась его светлому образу, а потом они поженились и за два года после свадьбы общались так мало, что на ссоры просто не оставалось времени.

И честно говоря, даже если бы они виделись каждый день, ссор бы не было. Леон не обращал на нее внимания, но никогда не вел себя жестоко. Между ними не было особых страстей, и ссорам браться было неоткуда.

– Просто знаю, – сказал он.

– Ты такой высокомерный. Даже сейчас.

– Жадный и высокомерный. Вот каким ты меня видишь. Как получается, что мы никогда не ссоримся?

– Вероятно, потому, что ты редко бываешь дома, – бросила Роза и впиалась зубами в первый кусочек стейка, демонстративно пережевывая его и надеясь, что Леон прекратит допрос.

Леон посмотрел через стол на свою жену. Он не вполне понимал подлинный смысл разговора. Он как будто раздражал Розу, это было очевидно. Оставалось гадать, как часто это случалось. Редкий ли это случай, вызванный стрессом ситуации, которая выбивала ее из колеи; или Роза просто обычно не выдавала своего раздражения?

Или – тревожная мысль – это он его обычно не замечал? Она уже несколько раз бросала фразы о том, что Леон много времени проводил вне дома. Судя по ее намекам, он в лучшем случае был командировочным мужем. Ее детской мечтой был дом, полный людей и приемов... которые будет проводить она вместе с мужем, чтобы вернуть ту часть жизни, которая явно осталась в прошлом.

Ее родители умерли. Братьев или сестер она не упоминала. Похоже, кроме Леона, у нее никого не оставалось; однако он не видел доказательств тому, что поддерживал ее эмоционально. Это его беспокоило. Что думал по этому поводу тот человек, которым он был до аварии? Пока не важно. Он был дорог Розе, но она явно не чувствовала, что дорога ему.

Он считал себя обязанным это исправить. Если уж в следующие несколько недель ему предстоит исключительно сидеть в поместье и выздоравливать, можно заняться исцелением не только его тела, но и его брака.

Но у этого желания были и более глубокие причины. Глубже, чем желание исправить ошибки прошлого.

Роза осталась единственной опорой в его жизни. Без нее Леон оказался бы как лодка без руля в открытом море. Ему необходимо было закрепить связь между ними.

Он потерял себя. Ничего не мог вспомнить о том, каким он был. И судя по намекам Розы, его связь с женой была куда слабее, чем он считал.

Роза – все, что у него есть. Он не мог ее потерять.

Оставалось единственное решение: ему нужно соблазнить собственную жену.

Глава 4

Прошла неделя с тех пор, как Леон вернулся в поместье, но он до сих пор ничего не вспомнил. Роза сражалась с беспокойством, безнадежностью и растущей нежностью, пробуждавшейся в сердце каждый раз, когда он был рядом.

Как будто в этой нежности было что-то новое...

Конечно, она всегда... испытывала к нему какие-то чувства. Больше, чем следовало. Леон не отвечал на них взаимностью, никогда. Но Розе никак не удавалось избавиться от этой... надежды. От жажды быть с ним. Для женщины, в жизни которой было столько потерь, она сумела сохранить больше детского идеализма, чем стоило ожидать.

Где-то в глубине души она до сих пор непоколебимо верила в счастливые концы. В то, что хорошее поведение вознаграждается. Наверное, поэтому она всегда делала все, как желал отец. И поэтому изо всех сил ждала, когда же Леон решит, что все-таки хочет быть ей мужем по-настоящему.

И поэтому же она никогда не говорила ему прямо в лицо, что чувствует. Лучше она сама закроет эту дверь, чем это сделает Леон.

«Не начинай надеяться снова. Когда он вспомнит... все вернется к прежней ситуации». Роза лежала на своей любимой кушетке на спине, глядя на расписной потолок. Но когда раздались тяжелые шаги по мраморному полу, она села

и прижала к груди книгу, которую читала.

– Роза? – Леон вошел в комнату. Он выглядел бодрее, взгляд был яснее, чем всего несколько дней назад. Он довольно много отдыхал, иногда ел в своей комнате. Все это явно сказывалось на его здоровье.

– Я читаю, – сказала она.

– Что?

– Нору Роберте.

– По-моему, я о ней не слышал. А может, и слышал... Откуда мне знать.

Роза невольно рассмеялась:

– Сомневаюсь.

– Я обычно такое не читаю?

– Мне кажется, ты вообще мало читаешь что-то, что не касается бизнеса.

– Правда?

– Обычно ты весьма уверен в том, кто ты и каким себя видишь. Что ты сам думаешь?

– Я... Не могу представить, как учился в университете. Но такого не может быть. Если я занимаю такое высокое положение в компании, я должен был учиться.

– Нет, ты не учился в университете, – сказала Роза, решив, что это подтвердить можно.

«А подтвердить, что ваш брак – не такой, как ему кажется, нельзя?»

Она стиснула зубы, прогоняя непрошеную мысль. Все на-

до делать по порядку. И она собирается поговорить с Леоном об этом. Собирается положить конец их браку. Но Роза сомневалась, что прямо сейчас ему будет полезна или приятна новость о разводе. Особенно учитывая, что им нужно скрывать его состояние. Особенно когда больше заботиться о нем некому. У него нет другого близкого человека, который мог бы ему помочь.

— Тогда как... Я знаю достаточно, чтобы понимать, что обычно все происходит не так. — Леон потер подбородок.

Я не знаю подробностей, извини, — ответила Роза, пытаюсь не обращать внимания на прилившую к щекам от неловкости кровь. — Знаю только, что ты работал на моего отца, на его компанию. Неквалифицированным работником. Ты был еще подростком, даже не закончил школу, сразу пошел работать.

В компании ты сделал что-то, что привлекло внимание моего отца, и после этого он начал за тобой присматривать, учить. Он привязался к тебе и стал готовить тебя себе на замену.

— Моя семья была не богатой, — сказал Леон; его глаза казались странно опустевшими. — Это я знаю. Я из Греции. Мы были очень бедны. Я приехал сюда один.

Роза внезапно поняла, как мало о нем на самом деле знает. То, что он из Греции, она знала, конечно, но больше ничего — ни о его семье, ни о биографии. Это осознание ее поразило. Однажды он появился в ее жизни и с этого момента стал ее идолом.

Пока в один прекрасный день она не поняла, что Леон никогда не будет в точности таким, как в фантазии, которую она создала в душе. У нее не было сомнений в том, почему Леон на ней женился. Плюсы их союза были очевидны. Ее отец умирал и хотел быть уверен, что о ней позаботятся. Он предложил ей в приданое компанию и поместье и поставил временные ограничения на их брак, чтобы заставить их попытаться всерьез.

Все было логично. Но Роза вдруг поняла, как нелогична она сама. На что она надеялась? Каких результатов она ждала? Каким она воображала Леона? В том-то и была беда: все, что она о нем думала, было плодом воображения.

Сидя в библиотеке и пытаясь заново сложить представление о Леоне, без фантазий, она поняла, сколько кусочков головоломки не хватает.

От этого она почувствовала себя... маленькой. Эгоистичной. Как будто она всегда видела в нем только объект для фантазий, который существует лишь для реализации ее девичьих грез.

– С тобой все в порядке? – спросил он.

Роза моргнула:

– Да. А что?

– Ты выглядишь так, словно тебя по лицу шлепнули макрелью.

Она попыталась рассмеяться:

– Извини. Я просто... Оказывается, я знаю о тебе не так

много, как должна бы. Теперь, когда мне приходится думать про заполнение пробелов в твоей памяти, я вынуждена пересматривать свои знания.

Леон нахмурился:

– Думаю, в этом есть доля и моей вины. И возможно, львиная.

– Это неправда. Мне кажется, вина тут полностью моя.

– Теперь я не могу тебе помочь. У меня нет никаких ответов на твои вопросы...

– Я этого и не ожидаю, – ответила Роза, чувствуя слабость.

– Но кое-что я знаю, – заявил Леон, расправив плечи, с решительным блеском в глазах.

Ей сразу стало легче. Теперь он был похож на Леона, которого она знала всегда. Проницательный, решительный, всегда управляющий ситуацией.

– Это внушает надежду, – сказала она.

– Я знаю, что сегодня мы будем ужинать на веранде. И на ужин будет мэнский лобстер. И это твое любимое блюдо.

– Откуда ты это знаешь? Всего пару дней назад ты не знал, что любишь сам! – Станным его знание было даже не из-за отсутствия памяти: Роза сомневалась, что даже прежний Леон знал или интересовался тем, какую еду она предпочитает.

– Я вполне способен задавать вопросы. Наверняка лучше, чем неделю назад. Вся моя жизнь сейчас зависит от ответов, а они – от качества вопросов. Я постарался расспросить наш

персонал и выяснить некоторые подробности о тебе.

– Это было необязательно... – в легкой панике ответила Роза. Ей словно вручили совершенно незаслуженный подарок.

– Я понимаю. Но ты моя жена. И к тому же ты все это время после аварии обо мне заботишься.

– Не только я. Приходила медсестра. И врачи...

– Уже одно, что ты здесь, бесценно. – Леон улыбнулся. Эта улыбка отозвалась у Розы в самой глубине души. В груди у нее сжалось, сердце затрепетало. Почему она всегда так реагирует?

Леон протянул ей руку, встречая ее взгляд. Роза покосилась на его ладонь, словно это была ядовитая змея.

– Я веду тебя к лобстеру, а не навстречу злему року, – сказал он.

Роза все еще колебалась, почему-то чувствуя, что не заслуживает прикасаться к нему. Как будто это право женщины, которой не существует. Преданной жены, которой она не была. Преданной жены, которой она могла бы стать, если бы Леон стремился быть настоящим мужем.

А может, она просто наделяет ситуацию ложным смыслом. Это просто ужин.

И просто его рука.

Сделав глубокий вздох, она обхватила его пальцы своими. По коже словно заплясали молнии, а потом разбежались по всему ее телу, лишая дыхания и вызывая слабость в коленях.

Она не прикасалась к Леону со дня их свадьбы. И ни к какому другому мужчине тоже. У нее были сомнения, что она вообще к кому-нибудь прикасалась...

Еще один глубокий вдох понадобился, чтобы изо всех сил скрыть ее реакцию на мужчину. Но тут же она совершила страшную ошибку. Она подняла глаза, встретила его взгляд, и то, что она там увидела, ее поразило. Они не были черными. Плоскими, однотонными. Они были... как расплавленный металл. Их жар в точности отражал огонь, который сжигал ее изнутри.

– Идем, – сказал он хрипло.

Роза могла только последовать за ним. И это о многом говорило. Не только о текущем моменте, но и о прошлых годах, до самой их встречи.

А когда они вышли на веранду, у нее перехватило дыхание, грудь была переполнена чувствами, так что она могла только стоять на месте и дрожать. Леон все еще держал ее за руку. А прямо перед ними стоял превосходно сервированный на двоих стол, в середине которого горела свеча.

Все было в точности как в ее фантазиях. Девических фантазиях. Когда любовь к нему была всего лишь желанием красивой романтики, когда они держатся за руки и говорят о высоком. Еще до того, как она узнала, что в отношениях между мужчиной и женщиной есть не только ужины при свечах и держание за руку.

– Что-то не так?

Роза посмотрела на него, в полное решимости лицо. В его глазах были какие-то сильные чувства, которые она не могла понять. Она знала только, что всю жизнь ждала, чтобы Леон так на нее посмотрел. И почему-то он смотрел на нее так сейчас. Она была не в силах сопротивляться. Это выражение его глаз брало ее в плен целиком и полностью.

– Все в порядке, – солгала она, двигаясь к столу. Садясь, она заметила, что рядом с тарелкой Леона снова стоит бокал с водой, а не вином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.